

СОДЕРЖАНИЕ

	Вместо предисловия	5
Глава 1	Шесть с половиной лет назад	7
Глава 2	Вы задержаны	9
Глава 3	Давление растет	15
Глава 4	Приготовьтесь защищаться	21
Глава 5	Сила веры	31
Глава 6	Стоит ли искать адвоката?	35
Глава 7	Козыри	40
Глава 8	Полторы сотни ручек — и ничего	48
Глава 9	С вещами на выход	55
Глава 10	Девять лет спустя	58
Глава 11	Взять ответственность на себя	69
Глава 12	Вопрос жизни и смерти	74
Глава 13	Семьдесят на тридцать	78
Глава 14	Как вести себя во время следствия	81
Глава 15	СИЗО: к чему готовиться	90
Глава 16	БАМы	93

Глава 17	Что нужно сказать родным	100
Глава 18	Другие голоса	103
Глава 19	После освобождения	109
Глава 20	Оправдательный приговор	113
	Послесловие	119

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Сумерки. Москву заливает дождем. Бросаю машину у станции метро с аварийкой, надеюсь, не эвакуируют, я ненадолго. Мне только забрать документы.

Покупаю билет и быстро иду вниз по эскалатору. Проплывают лица людей, поднимающихся на поверхность. Усталые, серьезные, что понятно — пятница, накопилось, — целующаяся парочка, парень в наушниках со скейтом в руках, бабушка поправляет платок.

Думаю невольно: вы и не догадываетесь о существовании параллельной реальности, в которой я жил недавно, в которую возвращаюсь во сне и по делам почти каждый день. Мужчина в костюме и плаще раздраженно требует дать дорогу, спешит, не знает, какой он счастливый, что сам решает, куда бежать, с кем быть. Деловой, похож на предпринимателя, встречал таких, в СИЗО им особенно трудно. Если ты привык управлять своей жизнью и бизнесом, невыносимо сложно, когда каждое решение принимают за тебя. Когда трудно влиять на обстоятельства. Ты к такому не привык, парень, думаю я и представляю, как изменилось бы отношение случайных встречаемых людей на эскалаторе, если бы объявили сейчас громко, что мужчину задерживают, что ему предъявлены обвинения в мошенничестве при ведении бизнеса. Люди бы отодвинулись? Посочувствовали? Повторили заученное «дыма без огня не бывает»?

А что подумаете вы?

Делаю шаг с эскалатора на платформу станции метро «Маяковская». Как я узнаю того, кто меня ждет, не понимаю. Надеюсь, он узнает меня сам. Иду сквозь толпу, оглядываюсь.

— Вы Александр Хуруджи? — Слышу тихий мягкий голос за левым плечом, невольно останавливаюсь. Оглядываюсь.

— Да.

Тот, кого я жду? Или случайный знакомый? Человек, который следил за историей моего освобождения из СИЗО через интернет и, может быть, даже был в суде? Или человек из более далекого прошлого? Когда я был вхож в коридоры власти, занимался развитием российского бизнеса в Агентстве стратегических инициатив.

— Тогда это для вас.

Мужчина вкладывает мне в руки неприметную серую папку и растворяется в толпе. Открываю, листаю документы. Да, это то, за чем я шел сюда. В папке сотни имен и фамилий арестованных предпринимателей. Это документы, которые чуть позже журналисты назовут российским списком Титова.

К утру субботы я должен проработать информацию по каждому и представить заключение Борису Титову. В моих руках не просто серая папка — судьбы сотен арестованных предпринимателей. Для многих оказаться в российском списке Титова, возможно, последний шанс на освобождение.

1

ШЕСТЬ С ПОЛОВИНОЙ ЛЕТ НАЗАД

Александр Хуруджи — арестованный предприниматель.

СИЗО, рейдерский захват бизнеса, моя семья — заложники, суды, десятки ручек, которые я исписал в надежде найти выход. И дописался до встречи с Борисом Юрьевичем Титовым. Мне невероятно повезло, он приехал ко мне в СИЗО, разобрался в моем деле, помог освободиться.

И предложил заняться правозащитой. Логика была ясна: кто, как не бизнесмен, который был задержан, вышел на свободу, реабилитирован, смог сохранить семью и самого себя, может лучше помогать таким же коллегам по несчастью. Учитывая мое юридическое образование, предложение было более чем уместно.

И я принял его, еще в СИЗО присоединился к команде Бориса Титова из Ассоциации защиты бизнеса.

Правовая защита предпринимателей оказалась жестче и прозаичней, чем мне казалось в самом начале. Ровно так же слетели с меня розовые очки при первом столкновении с системой правосудия, когда я заявлял, что дыма без огня не бывает, раз моей вины нет, то и задерживать меня не станут. Стали.

Думал — быстро выпустят, если могу доказать, что вины нет. Отпускать не спешили. Возвращение к привычной жизни на свободе тоже оказалось совсем не таким, как представлялось. Собственно, после освобождения начинается другая,

а не прежняя жизнь. Знакомишься заново с семьей, друзьями, коллегами. Даже после реабилитации вы не равны себе прежнему с юридической точки зрения. Об это спотыкаешься каждый раз, когда нужно предоставить справку о несудимости или заполнить анкету, например, в банке.

Как передать, что чувствуешь, когда ведешь защиту? Когда видишь слезы матерей и жен, когда вникаешь в истории людей? Можно ли рассказать словами о товариществе, которое возникает с коллегами, когда команда собирает справки, бумаги (иногда счет идет на часы), ищет помощи журналистов, выдерживает раздражение и отчаяние задержанных и их близких?

Через год работы правозащитником, признаюсь, я заключил договор с собой. Цель — освободить сто предпринимателей либо сделать из правовой защиты систему, выработать пошаговую инструкцию, которая поможет бизнесмену выйти из СИЗО. Когда цель будет достигнута, я дам настоящую свободу выбора и себе. Чтобы вернуться в мир предпринимательства или полностью посвятить себя семье, уехать на вечную рыбалку или заняться натуральным хозяйством и полностью отключиться от информационного потока. Спасти себя и семью от опасностей, о которых знаю не понаслышке.

Но вот прошло шесть с половиной лет и стало понятно, что я готов выполнить только первую часть договора — создать пошаговую инструкцию, которая помогает предпринимателям выходить из СИЗО с минимальными потерями, избежать по возможности ошибок, которые совершают все, и я не исключение. Собственно, для этого книга и написана: поделиться опытом и знаниями своими и коллег-правозащитников, примерами освобождения других бизнесменов, рассказать о специфике российской правовой системы, научить вести с ней переговоры, стоять на своем.

Жизнь порой настолько сложна, что хочется сбежать и спрятаться, но я понимаю, что это невозможно. Да и не нужно. Достаточно однажды встать на свою сторону, если пришло время защищаться. И на сторону близкого человека, если беда и обвинения ворвались в вашу жизнь.

2

ВЫ ЗАДЕРЖАНЫ

Пора представиться. Если вы знаете историю моего задержания и освобождения или читали первую книгу «Планы изменились», где я подробно рассказываю о том, что произошло, смело пролистывайте эту главу и приступайте к следующей. Потому что сейчас я коротко, но все же перескажу для новых читателей, что произошло и на какой опыт и знания я опираюсь в правозащитной деятельности.

В середине 2013 года, за четырнадцать месяцев до моего задержания, я узнаю, что готовится закон, который уничтожит мой основной бизнес-актив. Дело семи лет жизни, семейное предприятие фактически экспроприируют. Акционерное общество «Энергия», где я основной акционер, вдруг превращается в предприятие, с которым борется крупная госкорпорация. Я рискнул бороться в правовом поле с естественной монополией. Я хочу защитить интересы своего предприятия. Я настаиваю на соблюдении договоренностей, и меня решают раздавить.

«Но я ведь не сделал ничего вне рамок закона, — думаю я. — Я только хочу, чтобы предприятие продолжало работать, чтобы люди сохранили места и получали зарплату, чтобы бизнес развивался дальше и приносил доход мне и другим акционерам». Я надеюсь на улучшение ситуации, хотя предпосылок, в общем-то, не наблюдается.

Иду и выигрываю все суды. Но вместо денег получаю ад. Вместо выплат — угрозы. Месяцами мне постоянно передают, что за мной придут, что меня арестуют. Идут обыски, но больше года мы отбиваемся.

Но затем следует задержание, бессонная ночь — многочасовой допрос, зашкаливающее давление. За спиной с грохотом захлопываются решетки. Одна. Вторая. Отбирают ремень, галстук, шнурки и шарф. Третья. Яркий свет. Захлопывается дверь камеры.

И вот я стою в камере без сил, в предынфарктном состоянии, с пульсирующей головной болью в своем прекрасном костюме Zegna. Помню, за несколько месяцев до этого в офисе оглядывался, прислушивался к разговорам коллег и думал: «Надо же, даже привычными стали постоянные встречи с юристами, сотни судов, которые идут одновременно...» Большой ошибкой оказалась мысль, что суды — вещь обычная. Вера в справедливость закона дорого мне обошлась. На первом после задержания допросе я услышал:

— Вы можете не надеяться сегодня выйти. Не надеяться, что завтра в это же время будете в гостинице на мягких подушках. У вас впереди веселая жизнь. В ближайшие десять-пятнадцать лет вам ничего привычного не понадобится. Ни телефон, ни костюм больше не нужны.

Нет, я не поверил, но и на свободу не вышел. Ни в этот день, ни на следующий, ни через месяц.

Но в первые месяцы я был еще совершенно уверен, что невинному человеку государство не может сделать ничего плохого. То, что происходило со мной, — дурацкое недоразумение, халатность, ошибка. Мы быстро разберемся, был уверен я. И был относительно спокоен за свою судьбу.

Когда меня задержали, я еще не знаю, что именно публичность и моя известность скоро невероятно пригодятся. Хотя, признаться честно, я на них надеюсь, когда металлическая дверь с лязгом закрывается за моей спиной. Надеюсь, что меня хватятся и будут вырывать, когда новость появится в газетах.

Но вот как люди воспримут новость, что бизнесмен Александр Хуруджи задержан? Прекрасно понимаю, что люди, которые меня заказали, серьезные противники. Они хорошо знают технологии уничтожения человека. С их огромными ресурсами... Как задержание скажется на карьере? Но я ведь ни в чем не виноват. Что мне могут предъявить? Меня просто хотят напугать

и выпускают через пару дней, верно? Когда суд назначат? Так спрашиваю я сам себя в первые недели в СИЗО, и мысли снова движутся по кругу. С одной стороны, я действовал по закону... Но враги...

После моего задержания газета «Коммерсантъ» написала:

В Ростове-на-Дону полицейские задержали руководителя ассоциации некоммерческого партнерства по подозрению в хищении в особо крупном размере. «Полицейскими установлено, что он, являясь директором одной из организаций города Ростова-на-Дону, специализирующейся на передаче электроэнергии, совершил хищение денежных средств на сумму более 500 млн руб.», — сообщается на сайте Главного управления МВД России по Ростовской области. Отмечается, что задержание было произведено по ранее возбужденному уголовному делу, которое сейчас расследуется. Предпринимателю выбрана мера пресечения в виде заключения под стражу¹.

Странно просыпаться и вместо привычных плотно задернутых штор видеть пронзительный свет электрических ламп и чью-то ногу в дырявом носке на верхних нарах... Видеть глаза мамы, коллег, друзей в первый раз из-за решетки в зале суда.

«Это все ерунда, сейчас разберемся», — хочется мне сказать им.

Когда слышу слова судьи, что мне продлевают задержание, не верю своим ушам. Я растерян, запутан, встревожен. Ищу в толпе мамино лицо, не вижу. Как она?

Судья озвучивает решение, а журналисты шепчутся, что в лентах новостей заключение появилось на целых пятнадцать минут раньше! Что это значит? Что решение по мне было принято заранее и разослано в прессу тоже заранее. Я взбешен и обескуражен. Моя привычная картина мира трещит по швам. Я не знаю, что и думать. Легкой победы не будет? А как же действовать? Что помогает, когда привычные способы не работают?

¹ <https://www.kommersant.ru/doc/2871420?ysclid=mdoc8tfc4p608485945>. — Здесь и далее примечания редакции, если не указано иное.

В автозаке узнаю, что арест продлили всем. Никого не освободили. Шепнули, что по мне «вопрос уже решен». Я подавлен и растерян, но все равно со скепсисом воспринимаю сообщение о решенном вопросе. Во мне еще много надежды.

Наталья Курто, пресс-секретарь Ассоциации защиты бизнеса:

Шансы на оправдательный приговор равны 0,2%

Сегодня российские суды выносят всего 0,2% оправдательных приговоров. Только вдумайтесь: обвинительные приговоры, если дело дошло до суда, получают в 98,8% случаев. Пусть эти статистические данные окончательно избавят вас от надежды на справедливость, которая может восторжествовать сама собой.

Понимая, как работает судебная система и какова вероятность быть оправданным, мы считаем, что условный срок — хороший результат. Потому что человек выходит на свободу.

Другой приемлемый вариант: выйти «по отсиженному». Это происходит, когда предприниматель провел, например, год в СИЗО, а ему дали полтора. Происходит пересчет срока по закону «день за полтора». Для правозащитников, хорошо знакомых со статистикой, подобные решения — просто реальность. Они не ждут большего, потому что хорошо знакомы с судебной практикой. А вот для тех, кто впервые сталкивается с судебной системой, кто верит, что муж, папа, сын не виноват и судья во всем разберется, подобное решение может стать трагедией. А судья при этом сухо выносит обвинительный приговор.

Но давайте посмотрим правде в глаза и согласимся, что в целом предпринимателям в России свойственна низкая финансовая и юридическая грамотность. Можно десять лет заниматься малым предпринимательством и совершенно не понимать, что нарушаешь закон. А потом попасть под проверку, рейд, и вроде бы все знакомые делают то же самое — и ничего, а на вас заводят дело.

Возьмем для примера застройщиков и дольщиков. Во время банковских кризисов многие стройки останавливаются. Не потому что застройщики нехорошие люди и решили все украсть, а по вполне объективным причинам — экономический кризис. Застройщик пытается перекредитоваться, но двигаются сроки. Часть объектов удается завершить, а другую захватывают рейдеры. Захват случается, когда

«подсадные» пострадавшие дольщики пишут заявление и застройщик оказывается в СИЗО. И пока он сидит и не может контролировать строительство, приостанавливаются выплаты зарплаты, платежи подрядчикам. В этот момент компанию можно обанкротить и перекупить. Причем в нашем законодательстве есть ловушка: квартиры дольщикам должен достроить именно застройщик, с которым заключен договор долевого строительства, а не компания, выкупившая обанкротившуюся стройку. И перед дольщиками, и перед законом лично отвечает предприниматель, который однажды решил строить квартиры.

При этом рейдер может достраивать дом и продавать квартиры заново. А проблемы с дольщиками будут у государства и человека, сидящего в СИЗО. Так происходит передел строительного рынка. Очень распространенная сейчас проблема. Застройщики, попавшие в подобную ситуацию, вряд ли из нее выберутся без потерь. И дольщики тоже вряд ли получат квартиры.

Поэтому стоит задуматься, действительно ли вы ничего не нарушали, если вам предъявляют обвинения, приходят с обыском, задерживают? Что еще может быть причиной? Заказное дело, к сожалению. На предпринимателя могут написать заявление о преступлении, и суд по ходатайству следователя отправит человека в СИЗО. Чтобы понять, заказное дело или вы просто неудачно попали под проверку, попробуйте выяснить, как давно на вас написали заявление. Дело в том, что система так устроена, что можно годами писать десятки заявлений и ничего не происходит. В заказных делах заявлению дают ход быстро. Даже стремительно, я бы сказала. Если вчера прошла проверка, сегодня возбудили уголовное дело, а послезавтра арестовали, правозащитники склонны делать вывод, что речь идет о заказном деле. Вероятно, кто-то «стимулирует» скорость работы недобросовестных силовиков.

Еще один типичный случай: банки и кредиты. Предприниматель берет заем, потом с бизнесом что-то происходит, и он не может больше платить. У нас была такая история с птицефабрикой. Компания взяла большой кредит на реконструкцию. Пять лет получалось исправно платить, а потом случилось ЧП — один из цехов сгорел. Это был серьезный удар для предприятия. Пока страховая компания разбиралась, начались задержки по кредитным выплатам. Представители

банка написали заявление, и директора фабрики отправили в СИЗО, а предприятие стали банкротить.

Он просидел в СИЗО два года. Потом все-таки удалось добиться его освобождения и прекращения дела. Следовательно, прокурор и представитель банка уверяли суд, что он мошенник, изначально брал кредит, чтобы не возвращать его, а пять лет исправно погашал задолженность, потому что хотел создать «видимость надежного заемщика». И это дело — не единственное задержание по кредитам этого банка, в практике Ассоциации защиты бизнеса как минимум шесть аналогичных защит. В компании происходит форс-мажор, предприниматель не может платить банку, и возбуждается уголовное дело. При этом представители банка перескакивают этап арбитражного разбирательства. Видимо, это корпоративная политика — сразу заводить уголовное дело, забирать имущество. И не стоит думать, что так ведут себя только в одном банке, это системная проблема.

Но при этом многое зависит от региона и заемщика. Кому-то везет, и в аналогичной ситуации тот же самый банк идет навстречу, выдает новый кредит, проводит реструктуризацию. Так работает наша система: кризис один для всех, но кого-то сажают, а кого-то перекредитовывают.

Иногда даже возникает ощущение, что если вы построили успешный бизнес, который может работать без вас, то ждите — скорее всего, он понравится кому-то другому и за вами придут. Неэффективный бизнес никому не нужен. А когда компания становится автономной и приносит хорошую прибыль вне зависимости от того, кто ею управляет, повышается риск рейдерского захвата. Как правило, всегда рядом есть кто-то, кто чуть сильнее и чуть завистливее. Если вы хотите заниматься бизнесом успешно, умейте подстраховываться от захватов. Хотя бы потому, что сами следователи полушутят: законы таковы, что если вы еще не сидите, то это не ваша заслуга — это наша недоработка.

3

ДАВЛЕНИЕ РАСТЕТ

После второго продления задержания моему оптимизму и идеализму приходит конец. Из свидетеля я превратился в подозреваемого. Это уже не угрозы, не запугивание. Это настоящая война.

Следователь что-то регулярно добавляет в дело, обосновывает свои подозрения. Я прямо слышу, как заказчики задержания убеждают следователя и прокуратуру, что после судов меня сразу все бросят и забудут, что никто не будет сопротивляться: «Что вы, оставьте! Кому он нужен?» Расчет, видимо, был на такой подход. Но когда обо мне и о деле стали активно писать журналисты и блогеры, задавая вопросы, а в суд приходили люди, они попытались как-то подчистить следы фабрикации, задним числом подтянуть обоснования.

Но во мне все равно еще теплится надежда на справедливость. Подогревает ее то, что мое дело становится все более резонансным — так много статей и репортажей выходит в прессе. Я вижу, что беспардонность и наглость, уверенность в своей безнаказанности, с какими до оглашения приговора судьей было распространено решение, привлекает к моему делу особое внимание. Журналисты пристально следят за каждым новым фактом, каждой заказной статьей. Они сразу понимают, что мое дело заказное, и открыто пишут об этом. Участие прессы потом сыграет огромную роль в моей судьбе. Но я об этом еще только интуитивно

догадываюсь. Я весь — ожидание. Я верю, что дыма без огня не бывает. Да, идеализм и надежда — мои упрямые спутники, они еще со мной.

Промак с рассылкой пресс-релиза о решении суда до его официального оглашения, видимо, смутил не только журналистов — по просьбе прокурора следующее заседание будет закрытым для прессы. Но тем больше подогревается интерес журналистов.

Дело приобретает другой оборот.

Давление на меня растет. Чтобы запугать еще больше, открывают дело на моего брата, его объявляют в розыск, хотя Сергей по-прежнему живет дома, никуда не прячется. Меня лишают доступа к основным документам предприятия, фактически они берут под контроль директора. Я беззащитен с юридической точки зрения. Паникую немного и прекрасно понимаю, что пора действовать решительно. Где там мои адвокаты? Почему я еще в камере?

Вместо того чтобы выйти на свободу, я попадаю в СИЗО. Вот там я испытываю настоящий шок. Зданию больше *двухсот пятидесяти* лет, оно насквозь прогнило, видишь стены с облупившейся краской, ждешь в приемном отделении — его называют вокзалом — распределение в одной комнате с убийцами. Народу тьма, все дымят *как паровоз*. На двадцати пяти квадратных метрах десятки людей.

Я огляделся, вспомнил, что перед отправкой из изолятора временного содержания в СИЗО нашлась моя сумка с продуктами. Родные приносили, а полицейские почему-то собирали все, а мне в камеру не несли. И я стал угощать народ, понимая, что пронести в СИЗО продукты мне не дадут. Что тут началось: как в кино, мясо разрывали прямо руками, ели на ходу, быстро, молча. Жутко. Но народ радовался.

Охранники, кстати, пропустили мандарины. Должен сказать, охрана ведет себя уважительно с людьми, которые сидят по экономическим статьям. Например, по прибытии есть процедура, когда нужно раздеться догола — для досмотра... Но со мной никто такого не делал.

Меня и других людей с баулами повели в карантин — камеры, где пережидаете, пока идут твои анализы. В подземелье. В настоящее, ледяное. На дворе ведь мороз. А камеры, где новенькие ждут окончания карантина, находятся под землей.

Я иду и повторяю про себя: «Это ненадолго, сейчас построю адвокатов и выиграю сражение». Хотя и понимаю, что Новый год встречу в камере. Настроение резко падает от мысли, что придется придумывать, что отвечать дочери на вопросы о том, где папа. В голове пульсирует: «Выбираться отсюда нужно. И срочно. Родные испереживались, дела ждут, предприятие нужно спасти. Срочно ко мне адвокатов!»

Сейчас я понимаю, что в первое время «там» я был совершенно наивен, преисполнен оптимизма и плохо представлял, что происходит. Зато я был железобетонно уверен, что правильно выстрою адвокатов, научу их толковой защите и стремительно выйду. Как может быть иначе, когда я прав, вины нет, зато есть великолепные адвокаты и своя голова на плечах? Поэтому и к жизни «там» я отношусь философски, занимаю исследовательскую позицию. И это меня спасает.

Оксана Ермакова вышла на свободу 4 апреля 2020 года. Ровно через четыре года, день в день, после того, как ее вывели из дома на допрос, после которого она оказалась в тюрьме. Оксана стала единственным из одиннадцати акционеров банка «Донинвест», кто оказался на скамье подсудимых. Сначала ей предъявили обвинение в мошенничестве, а потом в организации преступного сообщества. Топ-менеджеров банка «Донинвест» обвиняли в том, что они выдали несколько крупных заведомо невозвратных кредитов фирмам-однодневкам.

Камеры, конвой, этап — она прошла весь путь и не сломалась. Все эти годы ее ждал муж Андрей. Более сотни раз он летал в Ростов-на-Дону и Новочеркасск, чтобы навестить любимую¹.

¹ <https://www.mk.ru/social/2020/07/07/muzh-peredaval-mne-v-tyurmu-kruzhevnoe-bele.html>.

Андрей Ермаков:

Нельзя сдаваться ни в коем случае и ни при каких обстоятельствах

В 5:30 в наш дом вломились эти упыри. Они взломали дверь, ворвались в спальню, вытащили нас с женой из постели. Их было четверо плюс понятые. Черные маски, автоматчики. Дальше многочасовой обыск, потом Оксану увезли. И с этого момента она провела четыре года в тюрьме. Слава богу, в это время вышел закон о пересчете срока содержания под стражей, и эти четыре года засчитали за шесть лет по приговору. Иначе я не увидел бы жену еще два года.

Когда Оксана была в тюрьме, самой сильной мотивацией действовать был страх. Мне было ужасно страшно за Оксану и за себя. Понятно, что нельзя сдаваться ни в коем случае и ни при каких обстоятельствах. Но казалось, что все наши усилия — бесконечный, бесполезный сизифов труд. Тринадцать (!) раз продлевали содержание под стражей. Ты жалуешься, пишешь, обосновываешь, собираешь документы, приводишь доводы, доказываешь, а им — что божья роса. Но невозможно было остановиться, расслабиться и бросить все, потому что Оксане грозило двадцать лет заключения — это ужасно, невыносимо.

Сейчас Оксана дома, и все уже не так страшно, казалось бы. Но идет исполнительное производство, нужно защищать свое имущество, продолжать отбывать. И вроде бы живи и радуйся, но эта казенная дрянь все отравляет. И сколько лет еще это продлится — неизвестно.

Я не знаю, когда это закончится и какими людьми мы станем, пройдя через это чистилище. Жить в бесконечном страхе и тревоге я устал, а ничего другого нам здесь не предлагают. И уехать мы, естественно, никуда не можем, потому что нам установили запрет на выезд. Мы заблокированы полностью. Даже отсидев в тюрьме, мы по-прежнему несвободны.

Оксана осталась здоровой, не искалеченной тюрьмой: вроде бы все как прежде, а вот что будет дальше, неизвестно. У меня, похоже, появился невроз, мне постоянно кажется, что впереди ждут только несчастья. Хороших новостей я или не замечаю, или не воспринимаю. Я вздрагиваю от любых новостей, потому что слишком долго они были только плохими. От приятных новостей я уже отвык.

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru